

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ КИТАЯ И США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Әдемі Ибраева

Докторант PhD Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, факультет международных отношений, Астана, Казахстан; e-mail: newadema50@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.4.011>

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ торгово-экономических отношений стран Центральной Азии с Китайской Народной Республикой (КНР) и Соединёнными Штатами Америки (США) за последнее десятилетие. Исследование опирается на бенчмаркинг-подход и охватывает динамику внешней торговли, структуру экспорта и импорта, инвестиционные потоки и инфраструктурные проекты. Показано, что Китай за этот период превратился в ведущего внешнеэкономического партнёра региона, значительно увеличив объём товарооборота и став основным источником импорта и одним из крупнейших рынков для сырьевой продукции. В противоположность комплексной и многоуровневой китайской стратегии, экономическое присутствие США остаётся ограниченным и носит преимущественно нишевой характер. Американская активность сосредоточена в высокотехнологичных секторах и сырьевых инвестициях, главным образом в нефтегазовой отрасли Казахстана. Вместе с тем в последние годы наблюдается институциональное усиление американской модели через механизмы «С5+1», «В5+1» и Инициативу экономической устойчивости для Центральной Азии (ERICEN), а также поддержка развития Транскаспийского транспортного коридора (ТТК) и сотрудничества по критическим минералам. Сопоставление двух моделей демонстрирует смещение регионального геоэкономического баланса при сохранении интереса стран Центральной Азии к многовекторности и диверсификации внешних партнёров.

Ключевые слова: Центральная Азия, КНР, США, торгово-экономические отношения, инвестиции, «Один пояс – один путь», геоэкономика.

ҚЫТАЙ МЕН АҚШ-ТЫҢ ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ
ЭКОНОМИКАЛЫҚ ӘСЕРІ: САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ

Әдемі Ибраева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD

докторанты, халықаралық қатынастар факультеті, Астана, Қазақстан; e-mail: newadema50@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада соңғы он жыл ішіндегі Орталық Азия елдерінің Қытай Халық Республикасы (ҚХР) және Америка Құрама Штаттарымен (США) сауда-экономикалық қатынастарына жан-жақты салыстырмалы талдау жүргізіледі. Зерттеу бенчмаркинг-тәсіліне сүйеніп, сыртқы сауда динамикасын, экспорт пен импорт құрылымын, инвестициялық ағымдарды және инфрақұрылымдық жобаларды қамтиды. Осы кезеңде Қытайдың өңірдің жетекші сыртқы экономикалық әріптесіне айналып, тауар айналымын едәуір ұлғайтып, импорттың негізгі көзіне және шикізат өнімдерінің ірі нарықтарының біріне айналғаны көрсетіледі. Көпдеңгейлі және ауқымды қытайлық стратегияға қарама-қарсы, АҚШ-тың экономикалық қатысуы шектеулі болып қалып, негізінен тар салаларға бағытталған сипатқа ие. Америка тарапынан белсенділік жоғары технологиялық салалар мен шикізаттық инвестицияларда, әсіресе Қазақстанның мұнай-газ секторында шоғырланған. Сонымен қатар соңғы жылдары «С5+1», «В5+1» тетіктері және Орталық Азияның экономикалық тұрақтылығын арттыру бастамасы (ERICEN) бастамасы арқылы америкалық модельдің институционалдық нығаюы, сондай-ақ Транскаспий көлік дәлізін дамыту мен стратегиялық минералдар бойынша ынтымақтастықты қолдау байқалады. Екі модельді салыстыру өңірлік геэкономикалық тепе-теңдіктің өзгергенін, сонымен бірге Орталық Азия елдерінің көпвекторлы саясат пен сыртқы әріптестерді әртараптандыруға деген жоғары қызығушылығын сақтап отырғанын көрсетеді.

Түйін сөздер: *Орталық Азия, Қытай, АҚШ, Сауда-экономикалық қатынастар, инвестициялар, «Бір белдеу-бір жол», геээкономика.*

ECONOMIC INFLUENCE OF CHINA AND THE USA IN CENTRAL ASIA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Ademi Ibrayeva

PhD Candidate at L.N. Gumilyov Eurasian National University, Faculty of International Relations, Astana, Kazakhstan; e-mail: newadema50@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive comparative analysis of the trade and economic relations of Central Asian countries with Peoples Republic of China (PRC) and the United States of America (USA) over the past decade. The study is based on a benchmarking approach and covers the dynamics of foreign trade, the structure of exports and imports, investment flows, and infrastructure projects. It is shown that during this period China has become the leading external economic partner of the region, significantly increasing the volume of trade and emerging as the main source of imports as well as one of the largest markets for raw materials. In contrast to China's extensive and multi-layered strategy, the economic presence of the United States remains limited and primarily niche-oriented. American engagement is concentrated in high-tech sectors and resource-based investments, particularly

in Kazakhstan's oil and gas industry. At the same time, recent years have seen an institutional strengthening of the U.S. model through the mechanisms of «C5+1», «B5+1», and the Economic Resilience Initiative for Central Asia (ERICEN), as well as support for the development of the Trans-Caspian transport corridor and cooperation on critical minerals. A comparison of the two models demonstrates a shift in the regional geo-economic balance, while Central Asian states continue to show strong interest in multi-vector foreign policy and diversification of economic partnerships.

Keywords: *Central Asia, China, USA, Trade and economic relations, investments, One Belt – One Road, geoeconomics.*

Введение

Экономическая динамика Центральной Азии в последние десятилетия характеризуется глубокими трансформациями, происходящими на фоне растущего интереса мировых держав к политическим и ресурсным возможностям региона. Центральная Азия, располагающая значительными запасами углеводородов, стратегическим транзитным положением и растущим экономическим потенциалом, постепенно превращается в пространство конкурирующих внешнеэкономических моделей. В этих условиях особую значимость приобретают два ключевых актора – Китайская Народная Республика и Соединённые Штаты Америки, чьи подходы к экономическому присутствию в регионе существенно различаются по масштабу, содержанию и стратегической направленности. Сопоставление этих двух моделей позволяет выявить наиболее существенные тенденции, определяющие формирование будущей геоэкономической архитектуры Евразии.

Страны Центральной Азии и КНР выстраивают многоуровневое партнёрство, развивающееся как в двустороннем формате, так и в рамках международных институтов. Сотрудничество осуществляется в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), форуме «Азия – Европа», Азиатском диалоге сотрудничества, а также в Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). С 2020-х годов усиливается значение формата C5+1, где Казахстан выступает одним из ключевых участников регионального блока. Базой для политико-экономического взаимодействия стали стратегические программы, соглашения и дорожные карты, определявшие содержание сотрудничества на протяжении двух десятилетий.

Аналитические исследования последних лет свидетельствуют об активизации «мягкой силы» Китая в отношении Центральной Азии, включая дипломатическое, образовательное и гуманитарное измерения. Саммит «Китай – Центральная Азия» стал новой опорной платформой для реализации китайских стратегических инициатив и укрепил институциональную основу сотрудничества, подчеркнув роль Центральной Азии как одного из ключевых направлений внешней политики Пекина. Исследования также показывают, что регион стал важнейшим звеном инициативы «Один пояс – один путь» (BRI) благодаря своему транзитному потенциалу и богатой ресурсной базе, что объясняет масштабное участие Китая в транспортных, энергетических и сырьевых проектах.

Актуальность темы усиливается на фоне изменяющейся глобальной гео-

экономической конъюнктуры. Центральная Азия, обладая значительными энергетическими ресурсами, всё активнее включается в так называемую «новую Большую игру», связанную с конкуренцией за энергетические и транспортно-транзитные коридоры. Именно эта ресурсная база привлекает внешних акторов и стимулирует рост соперничества между ними, усиливая стремление Китая расширять своё присутствие и одновременно увеличивая интерес США к формированию новых дипломатических и экономических инструментов работы с регионом.

На этом фоне Соединённые Штаты постепенно активизируют политико-экономическое взаимодействие с государствами Центральной Азии, стремясь сбалансировать влияние КНР. Форматы C5+1 и B5+1, обновлённая американская стратегия, возобновление высших саммитов и запуск бизнес-платформ свидетельствуют о попытках Вашингтона предложить альтернативную модель взаимодействия, основанную на инвестициях, технологическом сотрудничестве и институциональной поддержке. Однако экономическое влияние США остаётся ограниченным, что делает необходимым сравнительный анализ не только масштабов взаимодействия, но и фундаментальных различий внешнеэкономических моделей двух держав.

Таким образом, потребность в углублённом исследовании экономического влияния КНР и США обусловлена ростом конкуренции в регионе, усложнением геоэкономических процессов и изменением внешнеторговых приоритетов государств Центральной Азии. Усиление китайского присутствия и стремление США укрепить свои позиции делают анализ двух моделей значимым как в теоретическом, так и в практическом отношении. Системное сравнение позволит глубже понять характер текущих трансформаций, оценить их стратегические последствия и определить, каким образом страны Центральной Азии могут выстраивать устойчивую, многовекторную и безопасную внешнеэкономическую политику.

Статья выстроена логично и последовательно. В методологическом разделе обосновывается выбор бенчмаркинг-подхода, позволяющего корректно сравнить две внешнеэкономические модели. В аналитической части рассматриваются основные параметры экономического влияния Китая и США, что формирует основу для их содержательного сопоставления. Далее анализируются ключевые различия этих моделей и их возможные геоэкономические последствия для региона. Завершает исследование заключительный раздел, в котором подводятся итоги и формулируются практические рекомендации для государств Центральной Азии.

Методология

В основе данного исследования лежит бенчмаркинг-подход, позволяющий сравнить экономическое влияние Китая и США в Центральной Азии не только по отдельным количественным показателям, но и как две различные модели внешнеэкономического присутствия. Такой метод даёт возможность определить, какие инструменты используют обе державы, насколько они эффективны в региональном контексте и какие последствия формируют для государств Центральной Азии.

Цель анализа заключается в выявлении общих черт, различий и стратегических эффектов двух моделей влияния, а также в оценке того, каким обра-

зом эти различия влияют на формирование экономического будущего стран региона.

В качестве объектов исследования рассматриваются две внешнеэкономические модели, каждая из которых представляет самостоятельный подход к экономическому взаимодействию с государствами Центральной Азии.

Сравнительные измерения в рамках бенчмаркинг-подхода предполагают сопоставление китайской и американской моделей по нескольким ключевым направлениям. Прежде всего анализируются торговые параметры, включая динамику товарооборота за десятилетний период, структуру экспорта и импорта, торговое сальдо и степень зависимости стран региона от поставок китайских и американских товаров. Эти показатели позволяют определить глубину интеграции каждой из моделей в повседневную экономическую деятельность государств Центральной Азии.

Далее рассматриваются инвестиционные параметры, отражающие долгосрочный характер взаимодействия. Особое внимание уделяется инфраструктурному влиянию, проявляющемуся в реализации крупных проектов, участии в формировании логистических коридоров, включая Средний транскаспийский маршрут (Trans-Caspian Middle Corridor), а также в воздействии на развитие транспортной и энергетической инфраструктуры региона. Именно на этом направлении наиболее отчётливо проявляются различия между комплексной, многоуровневой китайской стратегией и более точечной американской поддержкой.

Система сравнительных измерений завершается анализом институционально-политических механизмов, который включает оценку инициатив и форматов сотрудничества – от китайской концепции «Один пояс – один путь» до американских платформ C5+1 и B5+1, а также дипломатических инструментов продвижения экономических интересов и их геоэкономических последствий. Этот аспект позволяет увидеть, каким образом экономическая активность Китая и США встроена в более широкие внешнеполитические стратегии обеих держав.

Применение данной методологии позволяет выявить ключевые различия между двумя моделями экономического влияния. Анализ также даёт возможность определить, как каждая из моделей формирует торговую структуру региона и влияет на долгосрочные экономические траектории государств Центральной Азии. На основе полученных результатов возможно выработать практические рекомендации, включая сочетание преимуществ обеих моделей при сохранении многовекторности, снижение торговых дисбалансов, более тщательную оценку долговых рисков и укрепление регионального сотрудничества.

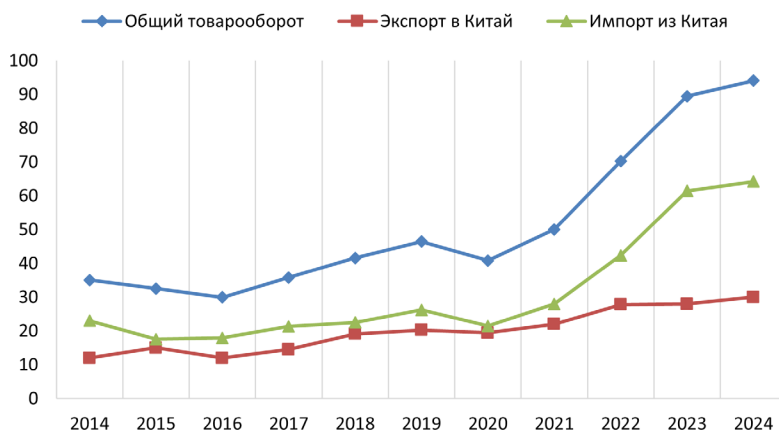
Китайская модель экономического влияния в Центральной Азии

Торгово-экономическое присутствие Китая в Центральной Азии

За последнее десятилетие торговые отношения между странами Центральной Азии и Китаем значительно укрепились, что позволило Китаю занять позицию ведущего внешнеэкономического партнера региона, опередив Россию. В позапрошлом году общий товарооборот между Китаем и пятью странами ЦА достиг 89,4 млрд долл.США, что на 27% больше в сравнении с

предыдущим годом. Такой стремительный рост объясняется экономическим доминированием Китая как в сфере инфраструктурных инвестиций, так и с растущим спросом на природные ресурсы региона. В начале 2010-х годов объемы торговли были около 30-40 млрд долл.США. Однако между 2014 и 2024 гг. наблюдается резкий рост товарооборота, чему способствовала реализация инициативы «Один пояс, один путь», которая стимулировала крупные инфраструктурные проекты и более глубокую экономическую интеграцию региона с Китаем [1]. Динамика роста торговли между Китаем и странами ЦА представлена на графике 1.

Рисунок 1. Товарооборот между Китаем и странами Центральной Азии в 2014-2024 гг. (млрд долл.США)

Китай по-прежнему занимает лидирующую позицию в торговле со странами Центральной Азии, в основном благодаря положительному торговому балансу. В 2023 году Китай экспортировал в Центральную Азию товаров и услуг на сумму 61 млрд долл. США, а импортировал оттуда на 28 млрд долл. США. Значительное торговое неравенствие наблюдается во всех странах ЦА, кроме Туркменистана, который имеет излишки лишь за счет экспорта природного газа [2]. В итоге доля Китая во внешней торговле региона неуклонно растет. На 2020 год приходилось около 22% всего экспорта стран ЦА направленного в КНР и свыше 37% их импорта из Китая. Эти показатели продолжают увеличиваться, укрепляя зависимость Центральной Азии от китайского рынка.

Китай востребован как крупный рынок сбыта центральноазиатского сырья и, одновременно, как основной поставщик различных товаров в регион. Экспорт Центральной Азии в Китай состоит преимущественно из природных ресурсов и сырья: нефть, нефтепродукты, газ, уран, металлы, руды, хлопок и продовольствие. В то время как структура импорта из Китая в страны ЦА состоит из промышленных товаров, оборудования, транспортных средств, электроники, одежды и потребительских товаров широкого спектра. К примеру, Казахстан экспортирует в КНР нефть и природный газ, медь, уран, а импортирует из Китая машины, электронику, одежду и медикаменты, Туркменистан 94% всего своего экспортируемого газа направляет в Китай. Узбекистан экспортиру-

ет в Китай природный газ, медь, золото и хлопок, а экспортирует автомобиль, оборудование и электронику. Две страны региона – Киргизская Республика и Таджикистан менее интегрированы в экспортный сектор Китая (всего экспорт составляет 4-5% от общего объема), однако довольно критически зависят от импорта китайских товаров: Китай уже с давних пор является лидером по импорту, где в процентном соотношении это более 35% импорта Киргизии и около 18% импорта Таджикистана из Китая [3]. Так, Китай удерживает первые позиции среди торговых партнеров всех стран Центральной Азии.

Отдельно стоит отметить дисбаланс торговых потоков. Все страны региона, кроме Туркменистана, имеют крупный дефицит в торговле с Китаем: все покупают больше, чем продают. ЦА все больше привязана к Китаю в торговом отношении, закупая там значительную долю необходимых товаров. По оценке на 2020 год, Китай принимал около 22% всего экспорта стран региона, и обеспечивал более 37% их импорта, что составляет более четверти внешнеторгового оборота региона. Эти показатели вероятнее всего будут продолжать расти, если посмотреть период за 2023-2024 гг. они стали еще выше [4].

Китайские инвестиции и проекты.

Экономическое воздействие КНР проявляется не только в торговле, но и в инвестициях. Со времен запуска инициативы «Один пояс – один путь», т.е. с 2013 г. Китай активно инвестирует в инфраструктурные и энергетические проекты в ЦА. За последнее десятилетие объем накопленных китайских инвестиций в регион измеряется десятками миллиардов долларов. По оценкам, инвестиции Китая в регион составили 40 млрд долл. США в конце 2020 г. (где половина этой суммы пришлось на Казахстан, благодаря нефтегазовым и транспортным проектам) [5]. Первоначально китайские вложения были сосредоточены в основном в добыче сырья (нефтепроводы Казахстан-Китай, газопровод Центральная Азия – Китай), а также в горной промышленности и строительстве инфраструктуры по вывозу сырья. Однако в последние годы прослеживается диверсификация китайских инвестиций: помимо сырьевого сектора, КНР начинает финансировать долгосрочные проекты в промышленности и энергетике, включая проекты «зеленой» энергетики и создание производств на территории ЦА. Например, в Узбекистане при участии Китая строятся автозаводы, солнечные и ветряные электростанции, в Казахстане расширяется сотрудничество в сфере логистики, реализуется проект Транскаспийского коридора [6]. Китайские компании присутствуют почти во всех отраслях. Всего в странах ЦА действует более 12000 компании с участием китайского капитала [7]. В целом, за последние десять лет Китай превратился в главный внешний инвестор и экономический партнер для стран ЦА.

Необходимо отметить и обратную сторону стремительного роста китайского финансирования – усиление долговой зависимости некоторых государств региона от Китая. Китайские кредиты, предоставляемые преимущественно через Эксимбанк, нередко идут на инфраструктурные проекты под гарантии правительства-заемщика. В результате на Кыргызстан и Таджикистан пришелся наиболее высокий уровень задолженности перед Китаем. Доля Пекина во внешнем госдолге этих стран приближается к 40% [8]. Например, по состоянию на 2022 год Киргизия задолжала Эксимбанку Китая около 1,7 млрд долл. США, что составляло 43% ее совокупного внешнего долга. Схожая ситуация в Таджикистане, где почти половина внешних заимствований получена

из Китая. Эксперты все чаще обсуждают проблему «долговой ловушки», когда страна-должник может утратить контроль над стратегическими объектами или принять невыгодные условия в пользу кредитора. Хотя в целом по региону совокупный долг перед КНР (около 15,7 млрд Долл. на середину 2023 г.) составляет лишь 7,6% от суммарного внешнего долга Центральной Азии.

Страны Центральной Азии играют ключевую роль в реализации трансконтинентальных инфраструктурных планов Китая. Регион расположен в центре сухопутных маршрутов инициативы «Один пояс – один путь», соединяющих Китай с Ближним Востоком и Европой. Казахстан стал одним из стратегических узлов этих маршрутов: масштабная государственная программа «Нұрлы жол» (Светлый путь), запущенная в 2015 г., была сопряжена с BRI и направлена на модернизацию национальной транспортной сети. Такое сопряжение — казахстанского «Нұрлы жол» и китайской инициативы BRI — значительно повысило эффективность транзитных коридоров [9].

В Казахстане при поддержке Китая построены и модернизированы тысячи километров автомобильных и железных дорог, включая международную автомагистраль «Западная Европа – Западный Китай», которая существенно сократила сроки доставки грузов из Китая в Россию и Европу. На границе создан крупнейший сухой порт «Хоргос», через который ежегодно проходят десятки миллионов тонн грузов и тысячи контейнерных поездов направления Китай – Европа.

Кроме того, Китай инвестирует в развитие так называемого Транскаспийского международного транспортного маршрута (Middle Corridor), проходящего через Кавказ. На саммите в Сиане Пекин подтвердил поддержку расширения транскаспийских маршрутов с использованием портов Актау и Курык на побережье Казахстана и Туркменбаши в Туркменистане [10].

Наконец, особое значение имеет новый проект железнодорожного коридора Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Договоренности о строительстве этой железной дороги были активизированы в 2022–2023 гг. Реализация маршрута через горы Тянь-Шаня свяжет китайскую дорогу в Кашгаре с узбекистанским Ферганским железнодорожным узлом через территорию Кыргызстана. Эта линия станет кратчайшим выходом Китая к Центральной Азии и Южной Азии, сократив путь до Ближнего Востока. В целом, развитие инфраструктурных коридоров под эгидой BRI трансформирует транспортно-логистический ландшафт Центральной Азии, делая регион не сухопутным тупиком, а важнейшим транзитным мостом между Востоком и Западом [11].

Формат сотрудничества «Китай–Центральная Азия»: C5+1

Новым этапом институционального влияния КНР стало формирование формата прямого диалога «Центральная Азия + Китай» (так называемый формат «C5+1»). Если ранее Пекин работал со странами региона в основном индивидуально или через ШОС, то теперь, учитывая активизацию других игроков (США, ЕС, Россия, Турция и даже Япония с намерением провести аналогичные встречи) Китай создал собственную площадку координации со всей «пятеркой» стран ЦА. Первая онлайн-встреча лидеров «Китай–ЦА» состоялась в 2022 г., а первый очный саммит глав государств прошёл 18–19 мая 2023 года в Сиане (КНР). На саммите было подписано множество соглашений, принята совместная Сианьская декларация, а председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул восемь крупных инициатив сотрудничества, охватывающих торговлю,

инвестиции, инфраструктуру, сельское хозяйство, энергетику, безопасность и культурные обмены. Китай фактически предложил комплексную программу углубления взаимодействия, основанную на индивидуальном подходе к потребностям каждой страны ЦА. Среди ключевых результатов саммита – объявление о регулярном характере таких встреч. Главы договорились проводить саммит «Китай–Центральная Азия» каждые два года, поочередно в Китае и одной из стран ЦА. В Сиане также обсуждалось создание постоянного Секретариата формата 5+1, который занимался бы мониторингом выполнения договоренностей и координацией новых проектов.

На саммитах «Китай–ЦА» Китай делает акцент на наиболее чувствительных для региона направлениях. Во-первых, это экономическое сотрудничество: в Сиане была запущена разработка Дорожной карты регионального сотрудничества 2022–2025, определяющей приоритетные сферы взаимодействия. Во-вторых, акцентировано развитие торговли и устранение барьеров – Китай пообещал обновить двусторонние соглашения об инвестициях и принять меры для упрощения торговых процедур, чтобы нарастить экспорт стран ЦА в КНР. В-третьих, огромная роль отведена транспортно-транзитной инфраструктуре: помимо уже упомянутых коридоров, лидеры договорились ускорить реализацию проекта газопровода «Центральная Азия – Китай» (линия D), который через Кыргызстан и Таджикистан добавит мощностей к существующим трем ниткам трубопровода из Туркменистана. В-четвертых, Китай включил в повестку вопросы продовольственной безопасности, борьбу с бедностью и экологические проекты (например, создание регионального центра по борьбе с опустыниванием), демонстрируя готовность содействовать устойчивому развитию ЦА.

Важно, что Китай подкрепляет политические обещания существенными финансовыми стимулами. На первом саммите в Сиане было объявлено о финансовой поддержке в 26 млрд юаней (3,72 млрд долл. США) в виде безвозмездной помощи и льготных кредитов странам Центральной Азии [12].

Китай на протяжении многих лет остаётся одним из трёх главных зарубежных инвесторов в странах Центральной Азии. Несмотря на широкий охват сфер сотрудничества, ключевым направлением его вложений продолжает быть энергетика (см. таблицу 1).

Таблица 1. Инвестиции Китая по отраслям в странах Центральной Азии (2008–2024)

Страна	Объём инвестиций (млрд долл.)	Отрасли инвестиций	Крупнейшие проекты	Комментарии / Значение
Казахстан	23-25 млрд	Энергетика, нефтегаз, транспорт, металлургия, логистика	МЦПС «Хоргос-Восточные ворота» (2012-н.в.); Сухие порты Сиань-Хоргос-Актау (2018-2023)	Крупнейший получатель инвестиций; ключевой коридор BRI

Узбекистан	15-18 млрд	Промышленность, транспорт, химия, энергетика, цифровизация	СЭЗ «Навои» (2008-н.в.) Модернизация промышленности (2015-2024);	Быстро растущая индустриальная база, высокий интерес Китая
Кыргызстан	4-5 млрд	Транспорт, дороги, ГЭС, логистика	Дороги «Север-Юг» (2014-2023); ГЭС и энергетические сети	Высокая доля кредитных инвестиций, уязвимость к долгам
Таджикистан	3-4 млрд	Энергетика, горнодобыча, индустрия, цемент, текстиль	СЭЗ «Дангара» (с 2011 г.); Цементные заводы (2013–2020)	Китай - крупнейший инвестор и кредитор страны
Туркменистан	более 20 млрд	Газовая промышленность, газопроводная инфраструктура	Газопровод «Центральная Азия -Китай» (2009-2022)	Одни из крупнейших энергетических контрактов в Евразии

Примечание: составлена на основе источника [13]

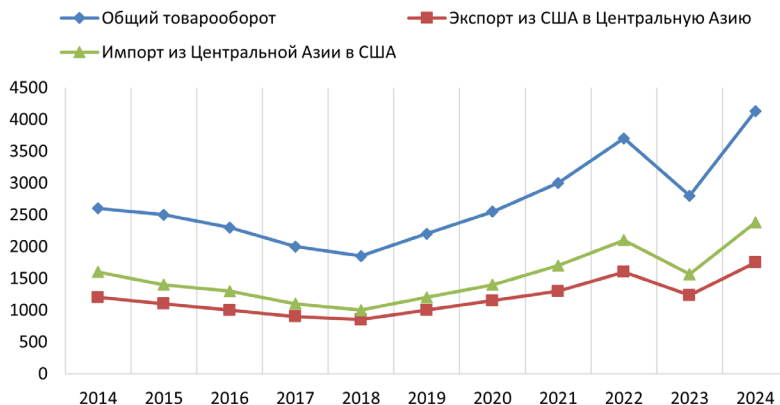
За последние годы Китай стал одним из ключевых внешних партнёров Центральноазиатского региона, предлагая масштабные инфраструктурные проекты, инвестиции и технологические решения. Основные направления сотрудничества охватывают транспортно-логистические коридоры, торговлю, промышленность, энергетику, цифровые технологии и гуманитарные инициативы. Представленная система программ демонстрирует переход от традиционной ресурсной модели к более комплексному, многоуровневому взаимодействию.

Американская модель экономического влияния в Центральной Азии

Торговля Центральной Азии с США: ограниченное участие и узкая направленность

На фоне бурного роста связей с Китаем, торгово-инвестиционное присутствие США в ЦА за последнее десятилетие оставалось скромным. Хотя США активно сотрудничали с государствами региона в политической и военной сферах (особенно в контексте Афганистана до 2021 г.), объем торговли между США и странами ЦА невелик. На Центральную Азию приходится лишь около 0,1% от общего товарооборота США. Даже в лучшие годы за последнее десятилетие двусторонняя торговля не превышала нескольких миллиардов долларов в год, что несопоставимо с показателями торговли региона с Китаем или ЕС. Тем не менее, и здесь за 10 лет произошли некоторые изменения и имеются свои важные тенденции. На графике 2 представлена динамика товарооборота между странами Центральной Азии и США за период 2014-2024 годов, что позволяет проследить общие тенденции и масштабы экономического взаимодействия [14].

График 2. Товарооборот между США и странами Центральной Азии в 2014-2024 гг. (млн долл.США)

Торговля между США и странами Центральной Азией носит преимущественно специализированный характер. Регион экспортирует в США главным образом сырье – особенно нефть и металлы из Казахстана. Именно Казахстан обеспечивает огромную долю центральноазиатского экспорта в США (на него приходится порядка 90% объема торговли с США). Так, в 2024 г. Казахстан обеспечил 96,7% совокупного экспорта стран ЦА в США (2,4 млрд долл. США из 2,5 млрд долл.США). Для сравнения, второй по величине экспортер Узбекистан продал в США товаров лишь на 44 млн долл.США. Ключевыми статьями импорта США из региона были и остается нефть и нефтепродукты из Казахстана, а также руды и металлы. В импорте других стран ЦА в США прослеживается схожая сырьевая направленность (например, узбекское золото или туркменский хлопок в некоторые годы). Обратно, экспорт США в Центральную Азию состоит из промышленной и высокотехнологичной продукции: это машины и оборудование, автомобили, авиационная и космическая техника, электроника, медикаменты и др. Опять же, основным получателем является Казахстан. Казахстан импортировал из США товары на 1,1 млрд долл.США в 2024 г. (62% американского экспорта в ЦА), тогда как импорт США в Узбекистан составил 381 млн долл.США, в Туркменистан – 82 млн долл.США, в Таджикистан – 57 млн долл.США. Торговля с Кыргызстаном измеряется десятками миллионов долларов и статистически мало влияет на общую картину (в 2024 г. экспорт США в Кыргызстан составил порядка 133 млн долл.США, импорт из Кыргызстана 17 млн долл.США). Среди крупнейших американских экспортных позиций в РК были самолеты и их части, промышленное оборудование, электроника. Узбекистан закупает у США оборудования для модернизации промышленности и сельского хозяйства, однако объемы относительно невелики. Киргизия и Таджикистан импортируют из США совсем мало, главным образом специализированное оборудование или транспорт (самолеты, если происходят поставки, или некоторые виды техники). Таким образом, США занимают нишевую роль: они поставляют в регион товары, требующие высоких технологий (авиатехника, энергетическое обо-

рудование, специализированные станки), и берут ограниченное количество сырья. Массовый же рынок потребительских и недорогих промышленных товаров полностью покрывается Китаем, Россией и другими партнерами [15].

Американские инвестиции и проекты

В сфере инвестиций США имеют в Центральной Азии точечное, но значимое присутствие. За последние десятилетия американские компании вложили крупные средства прежде всего в нефтегазовые проекты Казахстана. Благодаря участию компаний вроде Chevron и ExxonMobil в разработке казахстанских месторождений Тенгиз, Карачаганак, Кашаган и др., США стали одним из ведущих инвесторов в экономику Казахстана – совокупный объем прямых инвестиций США в Казахстан с 1993 г. превысил 60 млрд долл.США, (причем значительная часть – в 2010-е годы). По официальным данным, на начало 2023 г. накопленный объем прямых инвестиций из США в Казахстан достиг 43-45 млрд долл.США, что составляет примерно четверть всего иностранного капитала в стране. В других центральноазиатских государствах масштабы американских инвестиций намного скромнее. Узбекистан привлек некоторые вложения из США в текстильную отрасль, сельское хозяйство и недавно в энергетический сектор (например, проекты по газохимии), однако основные инвесторы там – Россия, Китай, ЕС и соседние страны. Киргизия и Таджикистан получили немного инвестиций из США преимущественно через программы помощи и в горнодобычу (канадско-американская компания Centerra Gold длительное время разрабатывала крупнейшее золотое месторождение Кумтор в Киргизии, хотя это канадская инвестиция). В целом структура американских инвестиций в регионе сосредоточена на добывающей отрасли, основной объем вложений США идет именно в сырьевой сектор и сопутствующую инфраструктуру [16]. Это означает, что американский капитал в ЦА ориентирован на добычу нефти, газа, урана, цветных и драгоценных металлов, а также на проекты транспортировки этих ресурсов (нефтепроводы, терминалы и пр.). Меньше внимания уделялось не сырьевым отраслям, хотя в последние годы предпринимались шаги к расширению сотрудничества: например, в 2018 г. американская компания General Electric заключила сделки по модернизации тепловых электростанций Узбекистана, ведутся переговоры о проектах в сфере возобновляемой энергетики и цифровизации. Тем не менее, по масштабам США существенно уступают Китаю в роли инвестора в ЦА.

В последние годы усиливающийся интерес США к региону проявляется также в транспортно-инфраструктурных проектах, что становится ключевым направлением диверсификации американского присутствия в Центральной Азии. Одним из наиболее значимых факторов является быстрое развитие Среднего транскаспийского коридора (Trans-Caspian Middle Corridor), который Вашингтон рассматривает как стратегическую альтернативу маршрутам, проходящим через Россию и Китай. Согласно аналитическим оценкам Caspian Policy Center, за последние годы коридор претерпел качественные изменения: время транзита грузов из Китая к Чёрному морю сократилось с 42 до 14 дней, а таможенные процедуры уменьшились с пяти часов до тридцати минут благодаря цифровизации и созданию единого «single window» для грузоперевозок. Контейнерные перевозки по линии Казахстан-Азербайджан-Гру-

зия увеличились в 14 раз в результате внедрения общего реестра грузов [17].

Эти изменения сделали Средний коридор конкурентоспособным инструментом евразийской логистики, что отвечает интересам США по диверсификации торговых путей и снижению зависимости региона от российских и китайских маршрутов. На этом фоне активизировалась региональная интеграция: Казахстан и Узбекистан увеличили взаимную торговлю до целевого уровня в 10 млрд долл. США, модернизируются порты Актау и Курык, а также реализуются или обсуждаются новые железнодорожные проекты (Китай-Киргизия-Узбекистан, Узбекистан-Афганистан-Пакистан, Казахстан-Туркменистан-Афганистан). В совокупности это формирует новый инфраструктурный каркас, который США могут поддерживать через инициативы C5+1, корпорация по международному развитию США (DFC) и программы по развитию критически важных цепочек поставок. Особое значение Средний коридор приобретает для американского доступа к стратегическим материалам региона – урану, меди, титану и редкоземельным металлам, что делает инфраструктурную повестку неотъемлемой частью экономической стратегии США в Центральной Азии.

Формат сотрудничества «США–Центральная Азия»: C5+1

Стремясь усилить свое экономическое присутствие, США в последние годы запустили ряд дипломатических и экономических инициатив, которые приобрели более институциональный характер. Формат C5+1, созданный в 2015 г., сначала носил ограниченный и преимущественно диалоговый характер, однако к 2022–2024 гг. трансформировался в полноценную многостороннюю платформу с секретариатом и системой специализированных программ [18]. На втором министерском заседании C5+1 в 2016 г. Вашингтон выделил 15 млн долл. на запуск пяти региональных проектов, включая инициативу по развитию транспортных коридоров, программу повышения конкурентоспособности бизнеса, проект Power the Future по расширению использования возобновляемой энергии и программу по адаптации к изменению климата.

После 2021 г. активность США существенно усилилась. В сентябре 2022 г. США объявили о запуске Инициативы экономической устойчивости ERICEN, предусматривающей выделение 50 млн долл. США на диверсификацию торговых маршрутов, привлечение инвестиций и развитие трудовых навыков в регионе. Одним из ключевых элементов стала программа C5+1, направленная на формирование профессиональной англоязычной среды в критически важных отраслях.

Качественный поворот произошёл в сентябре 2023 года, когда состоялся первый в истории саммит глав государств в формате C5+1. На нём президент США Дж. Байден инициировал запуск Диалога по критически важным минералам для расширения сотрудничества в цепочках поставок урана, редкоземельных элементов и металлов региона, что отражает растущую стратегическую значимость Центральной Азии для энергетической безопасности США. В дополнение была создана бизнес-платформа B5+1, первый форум которой прошёл в Алматы в 2024 г., став площадкой для прямых контактов между государствами и частным сектором и выработки рекомендаций по улучшению инвестиционного климата [19].

Дополнительный импульс американо-центральноазиатскому взаимодействию придала последняя встреча лидеров стран Центральной Азии и США, состоявшаяся 6 ноября в Вашингтоне. Саммит подтвердил переход к устойчивому стратегическому диалогу и обозначил ряд приоритетных направлений, среди которых ключевое место заняли развитие транспорта и логистики, поддержка экономической трансформации и координация по критически важным минералам. Особое внимание было уделено продвижению Транскаспийского маршрута: за последние пять лет объём перевозок по Среднему коридору вырос в шесть раз и достиг 4,5 млн тонн, а страны региона совместно с США обозначили цель увеличить транзит до 10 млн тонн в среднесрочной перспективе. Также стороны подтвердили намерение углублять сотрудничество в сферах цифровизации, «зелёной» энергетики и промышленной кооперации, что отражает стремление США расширить своё присутствие в несырьевых сегментах экономики региона и сделать формат C5+1 инструментом долгосрочного экономического партнёрства.

В последние годы США усилили своё участие в Центральной Азии, продвигая экономические, цифровые и энергетические инициативы. Сотрудничество охватывает модернизацию торговли, развитие высоких технологий, «зелёную» энергетику, транспортную связанность и образовательные программы, что отражает стремление США поддерживать устойчивое развитие стран региона (см. таблицу 2).

Таблица 2. Инвестиции США в странах Центральной Азии (2000–2024 гг.)

Страна	Объём инвестиций (млрд долл.)	Отрасли инвестиций	Крупнейшие проекты	Комментарии / Значение
Казахстан	45 млрд	Нефтегаз, энергетика, горнодобыча, авиация, финтех, ИИ	Контракт Air Astana-Boeing (2023-2025); AI/Fintech проекты Alatau City Bank-DDH (2024)	Один из крупнейших рынков США в Евразии; лидер по привлечению ПИИ
Узбекистан	2.5-3 млрд	Авиация, критические минералы, ИИ, сельское хозяйство, МСБ	Соглашения по критическим минералам (2023-2024); Заказ на Boeing 787 (2024);	Страна активно увеличивает долю американских инвестиций после реформ
Кыргызстан	0.3–0.4 млрд	Услуги, МСБ, цифровизация, образование	USAID Business Growth Programs (2019-2024); ICT/Startup поддержка	Низкая доля ПИИ, но заметная роль США в поддержке реформ
Таджикистан	0.5–0.6 млрд	Транспортные услуги, авиация, энергетические сервисы	Проект Somon Air -Boeing (2024); Программы энергетической устойчивости (2020–2023)	США- важный поставщик услуг и технологий

Туркменистан	1 млрд	Энергетические сервисы, телеком, логистика	Точечные энергетические проекты; Сотрудничество в ИКТ (2021-2024)	Ограниченное присутствие США из-за закрытости экономики
--------------	--------	--	---	---

Примечание: составлена на основе источника [20]

Совокупность реализуемых США программ демонстрирует переход от узкоэкономической модели взаимодействия к более комплексному партнёрству, ориентированному на устойчивое развитие, инновации и институциональное укрепление региональных государств. Такой подход отражает стремление США содействовать долгосрочной стабильности Центральной Азии, одновременно расширяя собственное стратегическое и геоэкономическое влияние в регионе.

Основные тенденции и выводы

Представленный сравнительный анализ экономического влияния Китая и США в Центральной Азии позволяет сделать несколько обобщающих и в то же время аналитически углублённых выводов, основанных на системе сопоставимых индикаторов – динамике торговли, структуре импорта и экспорта, инвестиционных потоках, инфраструктурных проектах и институциональных механизмах взаимодействия.

Во-первых, исследование подтверждает, что за последнее десятилетие Китай сформировал комплексную, многоуровневую и институционально оформленную модель внешнеэкономического присутствия в Центральной Азии. Китай обладает крупнейшим торговым оборотом с государствами региона; вносит масштабные прямые инвестиции в инфраструктуру, энергетику, добывающие отрасли; участвует в создании логистических коридоров и предлагает развитую систему политико-экономических инструментов (BRI, фонд Шёлкового пути, Exim Bank, форматы «Китай–ЦА»). Анализ показывает не только количественное доминирование, но и качественное изменение профиля китайского присутствия – от сырьевого и транспортного сотрудничества к промышленной кооперации, цифровым проектам и «зелёной» энергетике. При этом сохраняются и дискуссионные аспекты, включая долговую нагрузку Кыргызстана и Таджикистана, а также значительный торговый дисбаланс.

Во-вторых, модель США имеет более нишевый и селективный характер, но последние годы демонстрируют её институциональное усиление. Несмотря на то, что американская торговля и инвестиции в регионе значительно уступают китайским, США активизировали экономическую дипломатию через программы C5+1, ERICEN, USAID Trade Central Asia, PGI, DFC, инициативы по критическим минералам и развитию Среднего транскаспийского маршрута. В статье выявлено, что американская модель ориентирована преимущественно на высокотехнологичные отрасли, энергетику и институциональные реформы, что отличает её от инфраструктурно-инвестиционного подхода Китая. Данные в целом подтверждают, что влияние США растёт не за счёт объёмов торговли, а за счёт расширения спектра инструментов экономической политики и опоры на частный сектор.

В-третьих, сопоставление двух моделей демонстрирует, что региональная геоэкономическая архитектура формируется по логике асимметричной многовекторности. Китай – доминирующий актор в количественном выражении; США – важный поставщик технологий, инвестор в стратегические сектора и инициатор реформаторских и институциональных проектов. Различия моделей усиливают стремление государств Центральной Азии диверсифицировать партнёрства и избегать критической зависимости от одного центра силы. Регион, сохраняя высокий уровень взаимодействия с КНР, одновременно расширяет форматы сотрудничества с США, ЕС и другими государствами.

В-четвёртых, выявлены структурные ограничения обеих моделей. Китайская модель характеризуется долговыми рисками, торговым дисбалансом и высокой концентрацией на сырьевых отраслях. Американская же ограничена малым объёмом торговли, отсутствием крупных инфраструктурных инвестиций и зависимостью от политических циклов США. Это указывает на то, что ни одна из моделей в отдельности не является достаточной для устойчивого экономического развития стран региона.

В-пятых, научная новизна исследования заключается в систематизации двух внешнеэкономических моделей на основе единого набора сравнительных индикаторов — торгового баланса, структуры экспорта и импорта, инвестиционных потоков, институциональных механизмов и транспортно-логистических параметров, что позволяет не только описать текущую ситуацию, но и выявить стратегические эффекты, включая усиление транзитной роли Центральной Азии, рост значения критических минералов для обоих акторов, формирование альтернативных логистических цепочек и изменение природы региональной зависимости.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что Центральная Азия находится в точке пересечения двух различных по масштабу, инструментарию и целям моделей экономического влияния. Китай формирует материальный и инфраструктурный контур развития региона; США же институциональный, технологический и нормативный. Для государств Центральной Азии оптимальной стратегией остаётся комбинация возможностей обеих моделей при сохранении многовекторности, усилении внутренней экономической устойчивости, управлении долговыми рисками и минимизации односторонних зависимостей.

Полученные результаты также создают основание для дальнейших исследований, в частности, построения индекса внешнеэкономической зависимости, анализа корреляции между структурой инвестиций и торговыми потоками, а также оценки долгосрочных эффектов конкуренции Китая и США на региональную безопасность и экономическое развитие.

Китай и Грузия достигли значительных результатов в сфере культурного сотрудничества и обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Это является примером для стран, участвующих в инициативе, в области культурного обмена и сотрудничества, а также предоставляет полезные ориентиры для культурного взаимодействия между Китаем и другими государствами.

Список литературы

1. China reports robust trade growth with Central Asian states // Eurasianet. URL: <https://eurasianet.org/china-reports-robust-trade-growth-with-central-asian-states> (дата обращения: 06.02.2025).
2. Countries & Regions: South & Central Asia // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia> (дата обращения: 07.02.2025).
3. China and Central Asia: Bilateral Trade Relationships and Future Outlook // China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-and-central-asia-bilateral-trade-relationships-and-future-outlook/> (дата обращения: 10.02.2025).
4. China Regional Snapshot: Central Asia // Committee on Foreign Affairs, U.S. Congress. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/china-snapshot-project-central-asia> (дата обращения: 10.02.2025).
5. Economic Cooperation between Central Asia and China // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-central-asia-and-china> (дата обращения: 12.02.2025).
6. The Hidden Costs of Kazakhstan's Engagement with China: A Decade of the Belt and Road // Caspian Policy Center. URL: <https://caspianpolicy.org/research/economy/the-hidden-costs-of-kazakhstans-engagement-with-china-a-decade-of-the-belt-and-road> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Махмутова Е. В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – Т. 28. – № 28. – С. 88-99.
8. Далелхан А. Особенности региональной политики КНР и ее отражение в отношениях с Казахстаном // Қазақстан шығыстануы. – 2024. – Т. 11, № 3.
9. Иброхимзода У. Х., Дмитриева М. О., Ризоён Ш. Ш. Саммит" Центральная Азия–Китай": региональные аспекты и геополитические последствия // Известия Восточного института. – 2023. – № 4 (60). – С. 131-139.
10. The New Era of Central Asia–China Cooperation: The Case of the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan Railway // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-new-era-of-central-asia-china-cooperation-the-case-of-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway> (дата обращения: 20.11.2025).
11. Байзакова К., Оракбаева У., Усен М. Политика Китая в Центральной Азии // Известия. Серия: Международные отношения и регионоведение. – 2023. – Т. 53, № 3. – DOI: <https://doi.org/10.48371/ISMO.2023.53.3.011>.
12. General Administration of Customs of the People's Republic of China. Customs statistics. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexen> (дата обращения: 12.02.2025).
13. Central Asia: A Brief Overview of International Trade // U.S. International Trade Commission. URL: https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/ebot_central_asia_brief_overview_trade.pdf (дата обращения: 13.02.2025).
14. US Investments in Kazakhstan's Economy Exceed \$60 Billion // The Astana Times. URL: <https://astanatimes.com/2023/07/us-investments-in-kazakhstans-economy-exceed-60-billion> (дата обращения: 13.02.2025).

15. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. – 464 с.
16. Rentschler J., et al. The Trans-Caspian Corridor – Geopolitical implications and transport opportunities // *Journal of Transport Geography*. – 2025. – Vol. 125. – P. 104211.
17. Десятилетие сотрудничества Центральной Азии с США в формате «С5+1» // Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ). URL: <https://kisi.kz/ru/desyatiletie-sotrudnichestva-centralnoj-azii-s-ssha-v-formate-c5-1> (дата обращения: 15.02.2025).
18. Лексютина Я. В. Механизм «5+1» во взаимодействии США с Центральной Азией: мотивация применения и выдвинутые инициативы // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2025. – № 2 (73). – С. 140–146.
19. Саммит «Центральная Азия + США»: развитие устойчивого стратегического диалога // Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ). URL: <https://kisi.kz/ru/sammit-centralnaya-aziya-ssha-razvitiye-ustojchivogo-strategicheskogo-dialoga>
20. United States State Department. Countries & Regions. URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 16.02.2025).

References:

1. China reports robust trade growth with Central Asian states // *Eurasianet*. URL: <https://eurasianet.org/china-reports-robust-trade-growth-with-central-asian-states> (data obrashheniya: 06.02.2025).
2. Countries & Regions: South & Central Asia // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia> (data obrashheniya: 07.02.2025).
3. China and Central Asia: Bilateral Trade Relationships and Future Outlook // *China Briefing*. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-and-central-asia-bilateral-trade-relationships-and-future-outlook/> (data obrashheniya: 10.02.2025).
4. China Regional Snapshot: Central Asia // Committee on Foreign Affairs, U.S. Congress. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/china-snapshot-project-central-asia> (data obrashheniya: 10.02.2025).
5. Economic Cooperation between Central Asia and China // *Eurasian Research Institute*. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-central-asia-and-china> (data obrashheniya: 12.02.2025).
6. The Hidden Costs of Kazakhstan's Engagement with China: A Decade of the Belt and Road // *Caspian Policy Center*. URL: <https://caspiantpolicy.org/research/economy/the-hidden-costs-of-kazakhstans-engagement-with-china-a-decade-of-the-belt-and-road> (data obrashheniya: 12.02.2025).
7. Maxmutova E. V. O novom politicheskom mexanizme Kitaya v Central'noj Azii [On China's New Political Mechanism in Central Asia] // *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*. – 2023. – Т. 28. – №. 28. – С. 88-99.
8. Dalelxan A. Osobennosti regional'noj politiki KNR i ee otrazhenie v otnosheniyax s Kazaxstanom [Peculiarities of China's regional policy and its reflection in relations with Kazakhstan] // *Қазақстан shy'ry' stanuy'*. – 2024. – Т. 11, № 3.
9. Ibroximzoda U. X., Dmitrieva M. O., Rizoyon Sh. Sh. Sammit Central'naya Aziya–Kitaj: regional'ny'e aspekty' i geopoliticheskie posledstviya [Central Asia–China Summit: Regional Aspects and Geopolitical Implications] // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. – 2023. – №. 4

- (60). – S. 131-139.
10. The New Era of Central Asia–China Cooperation: The Case of the China–Kyrgyzstan–Uzbekistan Railway // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-new-era-of-central-asia-china-cooperation-the-case-of-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway> (data obrashheniya: 20.11.2025).
 11. Bajzakova K., Orakbaeva U., Usen M. Politika Kitaya v Central'noj Azii [China's Policy in Central Asia] // Izvestiya. Seriya: Mezhdunarodny'e otnosheniya i regionovedenie. – 2023. – T. 53, № 3. – DOI: <https://doi.org/10.48371/ISMO.2023.53.3.011>.
 12. General Administration of Customs of the People's Republic of China. Customs statistics. URL: <http://stats.customs.gov.cn/indexen> (data obrashheniya: 12.02.2025).
 13. Central Asia: A Brief Overview of International Trade // U.S. International Trade Commission. URL: https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/ebot_central_asia_brief_overview_trade.pdf (data obrashheniya: 13.02.2025).
 14. US Investments in Kazakhstan's Economy Exceed \$60 Billion // The Astana Times. URL: <https://astanatimes.com/2023/07/us-investments-in-kazakhstan-economy-exceed-60-billion> (data obrashheniya: 13.02.2025).
 15. Laumulin M.T. Central'naya Aziya v e'poxu transformacii [Central Asia in its transformation phase]. – Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 2020. – 464 s.
 16. Rentschler J., et al. The Trans-Caspian Corridor – Geopolitical implications and transport opportunities // Journal of Transport Geography. – 2025. – Vol. 125. – P. 104211.
 17. Desyatiletie sotrudnichestva Central'noj Azii s SShA v formate «C5+1» [Decade of cooperation between Central Asia and the United States in the "C5+1" format] // Kazaxstanskij institut strategicheskix issledovanij (KISI). URL: <https://kisi.kz/ru/desyatiletie-sotrudnichestva-centralnoj-azii-s-ssha-v-formate-c5-1> (data obrashheniya: 15.02.2025).
 18. Leksyutina Ya. V. Mexanizm «5+1» vo vzaimodejstvii SShA s Central'noj Aziej: motivaciya primeneniya i vy'dvinuty'e iniciativy` [The 5+1 Mechanism in US Interaction with Central Asia: Motivation for Application and Initiatives Put Forward] // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. – 2025. – № 2 (73). – S. 140–146.
 19. Sammit «Central'naya Aziya + SShA»: razvitie ustojchivogo strategicheskogo dialoga [Central Asia + US Summit: Developing a Sustainable Strategic Dialogue] // Kazaxstanskij institut strategicheskix issledovanij (KISI). URL: <https://kisi.kz/ru/sammit-centralnaya-aziya-ssha-razvitie-ustojchivogo-strategicheskogo-dialoga>
 20. United States State Department. Countries & Regions. URL: <https://www.state.gov/> (data obrashheniya: 16.02.2025).

Материал поступил в редакцию 28.03.2025
Утвержден к публикации 18.12.2025